

нальности (татары, как и евреи, более активны в этнических организациях). Однако устремления татар не всегда одинаковы и зависят от места жительства и времени проживания в Литве. Так, установки татар Висагинаса отличны от установок татар Алитуса и части жителей Вильнюса, которые разделяют мнение о необходимости более высокого уровня приспособления к литовцам, т.е. одобряют ассимиляционное поведение.

Евреи. В числе наиболее важных категорий самоидентификации евреев не отмечалось конфессиональной идентичности. Им присущ низкий уровень идентификации с территорией страны, что делает сходными ответы русских и евреев. Можно полагать, что подобные установки разделяют мигранты советского периода, составляющие сегодня значительную часть еврейского населения Литвы. Среди идентификационных тенденций евреев наиболее приоритетной является профессиональная.

Комментируя ход этносоциальной адаптации в Литве, попробуем сделать предварительное обобщение. Анализ первичных и вторичных связей респондентов позволяет заключить, что интеграционные процессы в литовском обществе являются реальностью, но также очевидны предпосылки этнической изоляции, которые выражаются в замкнутости некоторых этнических сегментов, в гражданской, общественной, политической пассивности. Это свидетельствует о том, что маргинальность и сепаратизм являются потенциальными проблемами общества. Негативная оценка респондентами изменений их социального положения отражает трудности адаптации и побуждает к дальнейшим исследованиям адаптационных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Berry J.W.* 1997. Immigration, Acculturation and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 46 (1). P. 5-68.
2. *Kasatkina N., Leoncikas T.* Lietuvos etninio grupiu adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Eugrimas, 2003.
3. *Leoncikas T.* Vertybes ir visuomenes mazumos // *Kulturologija*, 6 t. Vilnius: Gervele / Kulturos ir meno institutas, 2000.

© 2004 г.

В. СТАНКУНЕНЕ

К СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СЕМЬИ В ЛИТВЕ (ПРИЗНАКИ, ФАКТОРЫ, УСТАНОВКИ)

СТАНКУНЕНЕ Влада - доктор социологических наук, заместитель директора Института социальных исследований (Литва).

Существенная трансформация литовского общества, произошедшая в последнее десятилетие XX века, не могла не сказаться на состоянии такого первичного социального института, как семья. Изменения очевидны во всех сферах семейной жизни. Меняются основы экономического функционирования семьи, возможности деятельности и самовыражения, внутренние связи между членами семьи, ценностные ориентации и жизненные приоритеты, matrimониальные и прокреационные установки и поведение. Аналогичные изменения семьи примерно в то же время, что и в Литве,

наблюдались и в других посткоммунистических странах. Здесь прослеживаются параллели с продолжающимися уже почти четыре десятилетия изменениями семьи в государствах с более высоким уровнем социального благосостояния.

Как проявляются изменения семьи в Литве, насколько далеко они зашли, какие факторы их определяют, как общество их оценивает и принимает, аналогичны ли они по своему происхождению и сущности тем, которые происходят в странах Запада? И кроме того - представляют ли они собой краткосрочные отклонения от модели семьи, господствовавшей до сих пор, или это начало формирования ее новой модели? В статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы.

Признаки трансформации семьи

После Второй мировой войны в странах Запада в течение двух (а в Центральной и Восточной Европе - примерно четырех) десятилетий доминировала семья, обладавшая следующими основными признаками: молодежь рано создавала семьи и исключительно на основе заключения брака, рано рождались первые дети, семья имела в среднем два-три ребенка, мало рождалось внебрачных детей, когабитационные пары (основанные на неформальных семейных связях) были редкостью и не встречали общественного одобрения. В середине 1960-х гг. в странах Северной, а несколько позже Западной Европы началась трансформация семьи: стала снижаться численность браков и рождений и увеличилось число брачных союзов, не оформленных юридически; во все более старшем возрасте создавались семьи и рождались первые дети; выросло число внебрачных детей [1-6]. Несколько позже те же тенденции проявились в странах Южной Европы. Произошел переход к современной модели семьи. Эти изменения западными исследователями были названы вторым демографическим переходом [1], поскольку признавалось, что они представляют собой качественно новое демографическое поведение. В конце 1980-х - начале 1990-х гг. подобные тенденции наблюдались и в странах Центральной и Восточной Европы [7-11].

Эти изменения различались темпами, не во всех странах имел место полный набор признаков. Не ясно также, одинаковы ли они были по сути и во всех ли странах означали трансформацию семьи. Быть может, в Центральной и Восточной Европе, в первую очередь в балтийских странах, эти изменения представляли собой лишь реакцию на общественную перестройку и трудности социально-экономического кризиса [8].

Какова бы ни была сущность быстрых и кардинальных изменений семьи, с конца 1980-х - начала 1990-х гг. они наблюдаются во всех посткоммунистических странах Европы. В первую очередь быстрыми темпами стало уменьшаться количество рождений и браков [8, 11-13]. Несколько позже демографические измерения показали, что заключение браков и рождение детей происходят во все более старшем возрасте. Кроме того, стало наблюдаться распространение когабитации и увеличение числа внебрачных детей. В одних странах перемены начались несколькими годами раньше, проходили быстрее и кардинальнее (особенно в Эстонии), в других - позже, медленнее и в меньших масштабах [8]. В Литве - среди стран Восточной Европы, и в Польше - по сравнению с другими странами Центральной Европы, эти изменения проявились слабее. Однако везде набор признаков, отражающих изменения семьи, практически совпадает с теми, которые именуются трансформацией семьи, т.е. переходом к ее современной модели.

Распространение признаков современной модели семьи в Литве

С начала 1990-х гг. в Литве революционными темпами распространяются признаки, свойственные новой модели семьи. В течение одного десятилетия по существу изменились демографические характеристики семьи. Из наиболее ярких перемен, кото-

Показатели брачности и рождаемости в Литве (1990-2001 гг.)

Показатели	1990	1995	2000	2001
Браки:				
Абсолютное число браков (<i>тыс.</i>)	36,3	22,2	16,9	15,8
Общий показатель брачности (<i>на 1000 чел. населения</i>)	9,8	6,1	4,8	4,5
Средний возраст при вступлении в первый брак (<i>лет</i>):				
мужчины	24,1	24,4	25,7	26,1
женщины	22,3	22,4	23,6	24,0
Рождаемость:				
Абсолютное число родившихся (<i>тыс.</i>)	56,9	41,2	34,1	31,5
Общий показатель рождаемости (<i>на 1000 чел. населения</i>)	15,4	11,4	9,8	9,1
Суммарный показатель рождаемости	2,02	1,49	1,27	1,29
Средний возраст матери при рождении первого ребенка (<i>лет</i>)	23,2	23,2	23,9	24,2
Доля внебрачных детей (<i>в %</i>)	7,0	12,8	22,6	25,4

Источник: Demographic, 2002.

рые можно иллюстрировать данными статистики и социодемографических исследований, можно перечислить следующие: значительно снизилось число браков, с каждым годом становится старше возраст заключающих браки, существенно уменьшилась рождаемость, рождение первых детей откладывается на более поздний возраст, растет число внебрачных детей. Увеличивается также количество пар, живущих в нерегистрированном браке [14].

Перечисленные изменения литовской семьи прежде всего начали проявляться в уменьшении количества браков. Количество заключивших брак снизилось с 36 тыс. в 1990 г. до 22 тыс. в 1995 г. и до 16 тыс. в 2001 г. Особенно быстро число браков уменьшалось в 1992 и 1993 гг. [15]. Общий показатель брачности в 2001 г. составил 4,5 по сравнению с 9,86 в 1990 г. (табл. 1).

Данные статистики и результаты исследования "*Семья и рождаемость в Литве*" (СРЛ)¹ показывают, что браки откладываются, и постепенно растет возраст вступающих в брак. В 1990 г. возраст невест, впервые вступающих в брак, составлял 22,3 года, в 2001 г. - 24,0 года. За тот же период на два года увеличился и возраст женихов, впервые заключающих брак (см. табл. 1). Таким образом, брак "старее". Это один из существенных признаков начала трансформации семьи. Однако, как показало исследование СРЛ, чаще всего создание семьи откладывают на более поздний срок те, кто придерживается традиционного способа ее создания, для кого создание семьи предполагает официальную регистрацию брака.

Исследование СРЛ позволило зафиксировать и другой важнейший признак трансформации семьи - увеличение числа нерегистрируемых браков в Литве. Все чаще создание семьи начинается совместной жизнью без заключения брака [11, 14]. Согласно результатам исследования СРЛ, такие союзы в середине 1990-х гг. еще были краткосрочными, и довольно часто, особенно когда ожидалось появление ребенка, на их основе заключались браки. По сути дела, идет распространение когабитации как прелюдии к браку, что соответствует этапу трансформации семьи, который несколько десятилетий назад был характерен для более развитых стран Северной и Западной Европы [6]. Однако, если учесть условия возникновения этих явлений в Литве и влияние фактора сложной социально-экономической ситуации на матримониальное и прокреационное поведение, можно предположить, что уже в начале 1990-х гг. когабитация в Литве проявлялась и как альтернатива традиционной семье. Очевидно, рас-

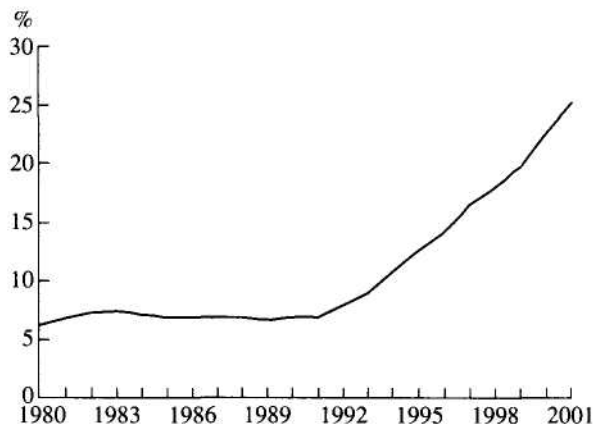

Рис. 1. Доля детей, родившихся вне брака, в Литве в 1980–2001 гг. (в %)

пространение такой формы семьи имеет тесную связь с откладыванием браков. Такая зависимость выявлена во многих работах западноевропейских ученых [6, 16-18].

В Литве почти взрывное распространение нового брачного поведения - когабитации - начинается с поколения людей, родившихся в 1970-75-х гг. Это поколение достигло брачного возраста в начале 1990-х гг., то есть именно тогда, когда наступили упомянутые социально-экономические трансформации. По данным исследования СРЛ, свыше 20% мужчин и 14-19% женщин 1971-73-х г.р. к достижению 22-летнего возраста уже имели опыт партнерства в форме совместного проживания без регистрации брака, в то время как для когорты мужчин и женщин 1965-70-х г.р. эти показатели составляли соответственно 4 и 7%, а для когорты 1946-49-х г.р. - 0,4 и 3%.

Таким образом, уменьшению численности молодых людей, создающих семью традиционным способом (с заключением брака и без совместного проживания в нерегистрируемом браке на первичном этапе) или откладывающих брак на более поздний срок, сопутствует рост числа молодых людей, которые начинают совместную жизнь, не регистрируя брак. Тем самым снижение количества официально оформляемых супружеств частично компенсируется новой формой семьи - когабитацией. Косвенно это подтверждается и увеличением числа детей, родившихся вне брака. Этот показатель за прошедшее десятилетие возрос в Литве с 7% в 1990 г. до 25,4% в 2001 г. (см. табл. 1, рис. 1).

Достаточно стабильный уровень рождаемости, державшийся в Литве около двадцати лет, с начала 1990-х гг. падает очень быстро. Абсолютное число родившихся снизилось с 56,9 тыс. в 1990 г. до 34,1 тыс. в 2000 г. [15], т.е. почти в 1,7 раза. Общий показатель рождаемости снизился соответственно с 15,3 до 9,2‰, а суммарный показатель рождаемости (СПР) - с 2,02 до 1,27 (см. табл. 1, рис. 2).

Хотя рождаемость в Литве стала быстро снижаться с 1991 г., наиболее быстрое ее падение наблюдалось в 1993-1994 гг. Здесь очевидна параллель между экономической ситуацией в стране, с одной стороны, и уменьшением числа браков и падением рождаемости - с другой. Рождаемость снижалась и позже, однако темпы ее сокращения слабели, и в 1996-1999 гг. она приобрела признаки стабилизации. В эти годы СПР в Литве был близок к 1,4 [15].

Начавшееся оживление экономики в Литве настраивало на оптимистический лад. Ожидалось, что оно поможет избежать демографического упадка, переживаемого в то время соседними балтийскими странами: рождаемость там, особенно в Латвии, во второй половине 1990-х гг. достигала рекордно низкого уровня (в 1998 г. СПР в Латвии составил 1,09 - один из самых низких показателей в мире [19]). В это время в Литве

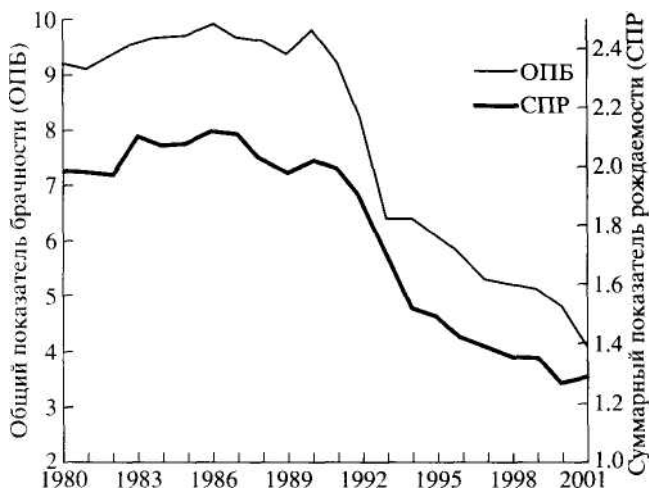

Рис. 2. Динамика показателей брачности и рождаемости в Литве в 1980—2001 гг.

уже ожидался компенсационный эффект рождаемости, который по окончании экономического спада обычно проявляется ростом рождаемости за счет реализации отложенных рождений. Однако в 2000 г. рождаемость в Литве опять заметно понизилась. СПР опустился до уровня 1,27 [15]. В то же время в соседних странах Балтии этот показатель с 1999 г. повышался. Возможно, нестабильность хозяйства и отголоски российского экономического кризиса конца 1999-х - начала 2000-х гг., наиболее остро проявившиеся в Литве, не прошли бесследно и для демографического поведения населения нашей страны.

Исследование СРЛ обнаружило, что в самых молодых когортах начинают распространяться установки на добровольную бездетность, которые уже некоторое время наблюдаются в странах Западной Европы [3]. Это подтверждается результатами исследования СРЛ, в ходе которого около 10% женщин и мужчин 18-19 лет указали, что вообще не хотят иметь детей.

По данным переписи населения Литвы 2001 г., растет число холостых людей, никогда не состоявших в браке [20]. Однако следует заметить, что процесс увеличения числа людей, никогда не состоявших в браке, в Литве заметно отстает от Латвии и особенно Эстонии. По данным последних переписей населения (2001 г. в Литве и 2000 г. в Латвии и Эстонии), в Литве на 1000 мужчин 15-ти лет и старше приходилось 282, а на 1000 женщин того же возраста 211 человек, никогда не состоявших в браке, тогда как в Латвии - 332 и 257 соответственно, в Эстонии - 343 и 267 [20].

Факторы трансформации семьи в Литве

Факторы, обусловившие изменения семьи в Литве, отличаются от действующих в странах Запада по своему происхождению, длительности и силе воздействия. Часть их очень специфична и свойственна только странам, переходящим от системы централизованного управления к рыночной экономике. Тут переплетается влияние старых и новых условий на демографическое поведение в целом, и конкретно - на материнское и рекреационное поведение.

Часть факторов имеет долгосрочное действие. Они унаследованы из минувших десятилетий и продолжают проявляться в общественном менталитете, установках,

потребностях до сих пор. Это крайне специфические факторы, характерные для посткоммунистических стран, вступающих в рыночную экономику и усваивающих либеральные, демократические общественные принципы. В первую очередь речь идет о социальных потерях (депривации), когда на часть общества решающим образом влияют перемены, обусловленные переходом к рыночной экономике. Важнейшими из этих факторов являются потери гарантий занятости и минимальной зарплаты, а также распад централизованной системы обеспечения жильем.

Следующая группа - новые факторы, действие которых проявилось лишь в последнее время. Они несут в себе напряжение, вызванное столкновением утверждающихся условий рыночной экономики и распадающимся централизованным управлением. Под влиянием этих факторов более пассивный сегмент общества вынужден адаптироваться к новым условиям и отношениям на рынке труда и жилья, в то время как более активный сегмент получает возможность проявить подавленные ранее возможности самореализации за пределами семьи (например, ориентации на профессиональную карьеру, удовлетворение культурных, рекреационных потребностей и т.п.).

Третья группа факторов отличается краткосрочностью действия. Они предопределяют колебания демографических тенденций или служат толчком для более фундаментальных и долгосрочных изменений семьи. Это факторы, связанные с экономическими потерями в начальном периоде общественных перемен и вызвавшие сильное падение уровня жизни семьи в период глубокого экономического кризиса в начале минувшего десятилетия. В периоды экономических кризисов количество браков и рождений обычно снижается. Согласно экономической теории рационального прокреационного поведения, следствием экономических трудностей и нестабильности является снижение рождаемости для минимизации возможных дополнительных расходов на детей, их обучение и т.п. [16, 21-23]. Кроме того, в периоды экономической нестабильности люди избегают дополнительной ответственности и обязательств, по крайней мере постоянных и долгосрочных. Жизненность этих идей, казалось бы, подтверждается тем, что тенденция резкого снижения показателей рождаемости и брачности совпала с быстрым и существенным спадом экономики Литвы и уровня жизни населения в начале 1990-х гг. В эти годы также быстро распространялись неформальные семейные связи (когабитации). Однако при этом нельзя упускать из виду, что в это же время началась интенсивная и фундаментальная трансформация общества, которая не могла не сказаться на брачных и прокреационных установках и поведении населения, а тем самым - и на снижении рождаемости.

Ослабление с середины 1990-х гг. влияния экономических факторов вызвало снижение темпов падения показателей брачности и рождаемости. Однако нарастало воздействие на институт семьи новых факторов. Растущая безработица и открывшиеся возможности (чаще всего - нелегальные) выхода на международный рынок труда (например, безвизовый въезд в большинство стран Европы) сформировали громадные потоки нелегальной трудовой краткосрочной миграции. Большинство участников этих миграционных потоков составляла молодежь. Понятно, что молодые люди, ищущие средства проживания за рубежом, значительно реже занимаются созданием семьи и рождением детей. Помимо этого, они становятся дополнительным источником информации о распространенных в странах Запада стиле жизни, ценностных ориентациях, приоритетах, разнообразии форм семейной жизни, что становится дополнительным стимулом усвоения западных ценностей и/или имитации западного брачного поведения.

Конечно, национальное возрождение и укрепление государственности способствуют сохранению этнокультурного своеобразия и традиций, однако либеральная среда и открывшаяся возможность включиться в европейское и мировое сообщество становятся мощным стимулом в заимствовании технологий, стиля жизни, норм, установок, ценностей развитых стран. При этом не учитывается возможность деструктивного воздействия некоторых из них. Тем более, что перед лицом открывшихся границ Литва, как и любая другая страна, долго находившаяся в изоляции, менее раз-

витая и не имеющая социального иммунитета, оказывается легко уязвимой для дешевой культуры и девиантных явлений. Общество, перенесшее изоляцию, бывает восприимчиво по отношению к западным ценностям [16], причем не только материальным, но и культурным, духовным, а также нормам поведения, в том числе - брачным и прокреационным. Это является дополнительным фактором распространения в нашей стране явлений, связанных с уже достаточно далеко продвинувшейся на Западе трансформацией семьи [6].

Таким образом, по мере укоренения рыночных отношений, демократизации и либерализации общества, изменения ценностных ориентаций и углубления индивидуализации, в Литве все более значимыми становятся фундаментальные факторы трансформации семьи, сформулированные основоположниками теории второго демографического перехода [1,5]: индивидуализация, эмансипация, свобода индивида.

Обобщая сказанное выше, можно констатировать, что все факторы, влияющие на матримониальное и прокреационное поведение (изменение экономической системы, социальные трансформации, нестабильность экономической ситуации, изменение условий и стиля жизни, ценностей, норм, поведения) многообразно пересекаются, однако направленность и сила их воздействия в соответствии с меняющимися конкретными условиями "передислоцируются". В настоящее время в Литве все большее влияние на ускоряющиеся процессы трансформации института семьи оказывают факторы фундаментальных общественных перемен.

Отношение к трансформации семьи

Несмотря на существенные перемены в жизни общества, семья как ценность не утратила своего значения. Это подтверждается и результатами Европейского исследования ценностей, проведенного в 1990 и 1999 гг. в большинстве стран Европы, в том числе и Литве [24]. Тем не менее, сам институт семьи претерпевает глубокие изменения. Как же они оцениваются самим обществом и отдельными его сегментами? Встречают ли они общественную поддержку или нет? Ответы на эти вопросы дают возможность понять, насколько далеко зашли процессы трансформации семьи, и прогнозировать дальнейшие тенденции. В ходе международного сравнительного исследования "Оценка демографической политики"² была предпринята попытка выяснить отношение населения к изменениям семьи.

Как показало исследование, признаки трансформации семьи не только распространяются, но и встречают все большее общественное одобрение. Нерегистрируемые браки и внебрачные дети, которые вплоть до последнего десятилетия XX в. считались в нашей стране девиациями, воспринимаются вполне терпимо. Примерно половина всех респондентов (46%) нейтрально оценивают увеличение числа нерегистрируемых браков ("не хорошо и не плохо"), а 15% распространение такого типа семьи оценивают положительно ("хорошо" или "очень хорошо"). Однако довольно большая часть наших сограждан к нерегистрируемым бракам относится неодобрительно: 39% респондентов оценили их "плохо" и даже "очень плохо" (табл. 2). Респондентов, выразивших самые крайние взгляды, очень немного (ответ "очень хорошо" выбрали 2%, "очень плохо" - 6%). Можно утверждать, что радикально-консервативное отношение к этому явлению, как противоречащему нормам нашей жизни, уже утратило силу, а модернистская или даже авангардистская точка зрения еще не прижилась.

Отношение к нерегистрируемым бракам в наибольшей степени дифференцировано возрастным фактором. Чем моложе респонденты, тем сильнее нейтральное и благосклонное и слабее негативное отношение к распространению нерегистрируемых браков: более половины респондентов 18-39 лет оценивают рост нерегистрируемых браков нейтрально, примерно пятая часть отрицательно и почти столько же положи-

Оценка изменений семьи в Литве (в %)

Характер изменений семьи	Очень хорошо или хорошо	Не хорошо и не плохо	Плохо или очень плохо
Растет число пар, живущих без заключения брака	15	46	39
Растет число детей, родившихся вне брака	3	32	65
Растет число детей, родившихся в нерегистрируемом браке	10	49	41
Растет число семей, имеющих только одного ребенка	5	33	62
Снижается число браков	3	27	70
Снижается число рождений	1	6	93
Распространяются установки на добровольную бездетность	2	13	85
Растет число детей, живущих в неполных семьях	0	12	88
Растет число разводов	1	8	91
Растет число одиноких людей	1	14	85

Хотя отношение к нерегистрируемым бракам достаточно нейтрально, подавляющее большинство женщин (77%) и мужчин (74%) предпочли бы в качестве способа создания семьи заключение брака, в то время как совместную жизнь без брака выбрали бы лишь 14%. Постоянную жизнь в нерегистрируемом браке ("совместную жизнь с партнером - без намерения заключить брак") предпочли бы только 5% мужчин и 3% женщин. Либеральное отношение к распространяющемуся явлению когабитации и консервативность в предпочтениях способа создания семьи являются свидетельствами явного влияния католической культуры в модернизирующемся обществе.

Хотя довольно небольшое число респондентов рассматривает нерегистрируемый брак в качестве начального этапа создания семьи, а по сути дела считают его прелюдией к браку, с каждым новым поколением, особенно среди тех, кто достиг брачного возраста в период нынешних социально-экономических трансформаций, возрастает предпочтение такого пути создания семьи. За это высказывается почти половина респондентов 18-24 лет (44%), в то время как сторонников того, чтобы при создании семьи сразу же заключался брак - 42% (рис. 3). Прожить все время в нерегистрируемом браке были бы склонны 4%. Более того, немалая часть респондентов (14% мужчин и 12% женщин) считают, что заключение брака как форма создания семьи "устарело". А среди респондентов 18-24 лет такого мнения придерживается каждый пятый (20%).

Поскольку молодое поколение все благосклоннее оценивает нерегистрируемые браки, а мнение об архаичности заключения брака находит все больше сторонников, можно прогнозировать в будущем рост числа когабитаций. Опираясь на результаты данного и других исследований, опыт других стран, а также на теорию второго демографического перехода, можно утверждать, что литовское общество, которое пока только начало благосклонно относиться к росту количества нерегистрируемых браков и рассматривает их чаще как прелюдию к браку, вступит в следующий этап эволюции этого явления, когда нерегистрируемый брак станет альтернативой брачной семье и даже нормой.

Несмотря на то, что общественность достаточно толерантно настроена в отношении распространения нерегистрируемых браков, она, однако, немало озабочена уменьшением числа браков. В этом можно было бы усмотреть противоречие. Однако, поскольку в настоящее время общество одобряет в основном пары, которые живут совместно без официальной регистрации, но намерены заключить брак в будущем, очевидно, что население по-прежнему считает важным создание семьи и именно с помощью оформления брака. А нерегистрируемый брак, по сути дела, рассматривается как временный этап ее формирования. Примерно 70% мужчин и женщин (мужчин 69% и женщин - 72%) негативно оценили уменьшение количества

Рис. 3. Предпочтения в стратегиях создания семьи в Литве в зависимости от возраста (в Источник: Данные исследования "Оценка демографической политики"

браков ("плохо" и "очень плохо"). Четвертая часть респондентов относится к этому нейтрально, и лишь единицы - положительно.

В этом случае также существует большая дифференциация мнений по возрасту. Около половины респондентов 18-29 лет и треть 30-39-летних относятся к уменьшению численности браков нейтрально ("не хорошо и не плохо"), в то время как среди самых старших возрастных групп, участвовавших в исследовании (60-69 лет), таких лишь 7-9%. И наоборот, в самых молодых возрастных группах, по сравнению со старшими, значительно меньшая часть опрошенных относится к этому явлению негативно (около 50 и 90% соответственно). Таким образом, и здесь молодые поколения выражают новые установки.

Отношение к увеличению числа детей, родившихся у одиноких матерей, является не столь толерантным, как к распространению нерегистрируемых браков. Тем не менее, примерно треть (32%) респондентов оценили его нейтрально (см. табл. 2). Однако либерализация отношения к росту числа внебрачных детей нарастает с каждым молодым поколением. Можно утверждать, что история признания этого явления еще очень коротка, так как в ответах представителей старших поколений доминирует отрицательная установка по отношению к нему. Вместе с тем, независимо от возраста, пола или образования, положительно ("хорошо" или "очень хорошо") оценивает его лишь незначительная часть респондентов, в то время как негативно - большинство. Очевидно, что наше общество продолжает относиться к этому явлению достаточно болезненно, и большинство по-прежнему считает, что ребенок должен родиться в полной семье, где есть отец и мать. И при этом не столь важно, зарегистрирован ли этот брак или нет.

Об этом же свидетельствуют и ответы на вопрос об отношении к увеличению количества детей, родившихся в нерегистрированных браках. Нейтрально оценивают это явление примерно половина респондентов, десятая часть положительно и около 40% - отрицательно. Рост числа детей в семьях сожителей негативно воспринимают женщины. Кроме того, в ответах на этот вопрос мнения явно дифференцируются по возрасту и образованию. Самыми либеральными оказались респонденты молодых возрастных групп, а самыми консервативными - пожилые. Две трети респондентов 18-34 лет и менее одной трети 60—69-летних нейтрально относятся к увеличению чис-

ла внебрачных детей ("не хорошо и не плохо"). При этом, чем выше образовательный уровень респондентов, тем нейтральнее относятся они к этому явлению.

Ясно, что общество неодобрительно относится к увеличению числа детей, родившихся у одинокой матери, но все либеральнее воспринимает рождение детей в незарегистрированном браке. Это лишний раз подтверждает, что в перспективе число таких семей может расти и даже стать нормой.

Следует отметить растущую либеральность нашей общественности. Хотя она с заметным неодобрением относится к рождению внебрачных детей и с меньшим неодобрением к рождению детей в незарегистрированном браке, однако, если одинокая женщина все-таки хочет иметь ребенка, это воспринимается с пониманием. В ответах доминирует такая точка зрения: "это ее право решать, и она должна иметь такую возможность" (84%).

С большей озабоченностью воспринимается рост числа детей, которые часть детства проживают в неполной семье. Распространение этого явления вызывается не только увеличением числа внебрачных детей, но и нарастанием нестабильности семей, когда после развода дети остаются с одним из родителей, чаще всего - с матерью. Почти единогласно поддерживается мнение, что "для того, чтобы ребенок рос счастливым, ему нужна семья с отцом и матерью" (95%). И то, что некоторые дети вынуждены проводить свое детство только с одним родителем, оценивается отрицательно (29% - "очень плохо", 59% - "плохо"). И лишь десятая часть респондентов относится к этому нейтрально (12%). Даже возраст является здесь слабо дифференцирующим фактором. Только респонденты 18-24 лет смотрят на данное явление более нейтрально ("не хорошо и не плохо" - 14%).

Исследование показало, что общество проявляет очень большую озабоченность по поводу снижения рождаемости. Свыше 90% респондентов рассматривают это как негативное явление, а треть считает, что это "очень плохо" (см. табл. 2). При этом в оценках нет существенных различий ни по полу, ни по возрасту или образованию.

Нейтральнее относятся респонденты к тому, что начинают доминировать семьи, в которых воспитывается только один ребенок. При том, что большинство (62%) считают это негативным явлением ("плохо" и "очень плохо"), каждое новое молодое поколение относится к распространению однодетных семей все более нейтрально и даже позитивно. Только 40% респондентов 18-24 лет воспринимают это отрицательно, почти половина (49%) не усматривают здесь проблемы ("не хорошо и не плохо"), а десятая часть (11%) оценивают положительно. Мнения респондентов 25-34 лет занимают промежуточную позицию между упомянутой молодежной возрастной группой и старшей. Явную озабоченность по поводу распространения таких семей высказывают только респонденты старше 35 лет (больше половины). То, что только старшие поколения усматривают проблему в распространении однодетных семей, по сути дела, может означать укоренение этой модели семьи.

В Литве, как и во многих других развитых странах, стала распространяться и добровольная бездетность. Это было отмечено уже в ходе исследования "*Семья и рождаемость в Литве*" (Stankuniene и др., 2000). В ходе же исследования "Оценка демографической политики" была сделана попытка выяснить, как оценивает это явление наша общественность. Результаты показали, что подавляющее большинство респондентов (85%) отрицательно относятся к росту числа пар, вовсе не желающих иметь детей. Мужчины смотрят на это несколько нейтральнее, нежели женщины. Вызывает тревогу существенно более спокойное восприятие добровольной бездетности представителями молодых поколений. Если среди всех респондентов отрицательно ее оценивают 85%, нейтрально 13% и положительно 2%, то среди молодежи 18-24 лет - соответственно 75, 20 и 5%. Подобным же образом отвечали и респонденты 25-34 лет. Только представители старших поколений почти единодушно оценили добровольную бездетность как негативное явление.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что быстрые и существенные изменения социальной, экономической, культурной среды в Литве, происходящие с начала по-

следнего десятилетия XX в., обусловили трансформацию семьи. Исчезают приметы традиционной ее модели, с каждым новым поколением все больше укореняются новые признаки и формы ее создания, все чаще высказывается мнение, что семья как социальный институт устарела. Несмотря на эти тенденции, общество все же достаточно чутко реагирует на снижение численности браков и падение рождаемости, на рост числа детей, живущих в неполной семье без одного из родителей. В целом отношение к изменению института семьи достаточно противоречиво: с одной стороны, все еще живы ориентации на традиционную семью, однако и современная семья все быстрее прокладывает себе дорогу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исследование "Семья и рождаемость в Литве" является частью международного проекта "Рождаемость и семья в странах региона Европейской экономической комиссии" ("Fertility and Family Surveys in the Countries of ECE Region"), координируемого Подразделением активности населения Европейской экономической комиссии ООН (Population Activities Unit, Economic Commission for Europe, United Nations - PAU ECE UN). В Литве исследование проведено Центром демографических исследований Института философии и социологии Литвы. Опрос в Литве в 1994—1995 гг. осуществлен фирмой "Baltijos tyrimai". Опрошено 5000 респондентов женщин и мужчин в возрасте 18-49 лет.
- Исследование "Оценка демографической политики" (Second European Comparative Survey on the Acceptance of Population-related Policies (PPA2)) является частью международного проекта, координируемого Федеральным институтом демографических исследований (Германия). В исследовании участвовали 14 стран Европы. В Литве исследование было проведено в 2001 г. Центром демографических исследований Института философии и социологии Литвы. Опрошено 1400 респондентов (613 мужчин и 787 женщин) в возрасте 18-75 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. Washington, 1987. Vol. 42. No. 1.
2. *Lesthaeghe R.* The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation // *Gender and Family Change in Industrialized Countries*, ed. K.O. Mason ir A. Jensen. Clarendon Press: Oxford, 1995, pp. 17-62.
3. *Van de Kaa D.J.* Options and Sequences: Europe's Demographic Patterns // *Journal of Australian Population Association*. 1997. Vol. 14. No 1. May, pp. 1-29.
4. *Van de Kaa D.J.* Post-modern Fertility Preferences from Changing Value Orientation to New Behaviour // *Working Papers in Demography*. The Australian National University, 1998.
5. *Surkyn J., Lesthaeghe R.* Values Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // *Working paper*. www.vub.ac.be/SOCO, 2002.
6. *Manting D.* Dynamics in Marriage and Cohabitation. Amsterdam, 1994.
7. *Macura M.* Fertility and Nuptiality Changes in Central and Eastern Europe: 1982-1993 // *Studia Demograficzna*. 1995. No 4/122.
8. *Macura M., Mochizuki Sternberg Y., Garcia J.L.* Eastern and Western Europe's Fertility and Partnership Patterns: Selected Developments from 1987 to 1999 // *Dynamics of Fertility and Partnership in Europe*. Vol. 1. United Nations: New York, Geneva, 2002.
9. *Vikat A.* Family Formation in Estonia. Publications of the Finnish Demographic Society, Helsinki, 1994.
10. *Захаров С.* Брачность и рождаемость // *Население России*. 2001. Москва, 2002.
11. *Stankuniene V.* Recent Population Development in Lithuania // *New Demographic Faces of Europe*. Eds. T. Kucera, O.V. Kucera, O.D. Opara, E. Shaich. Springer: Berlin, New York, 2000.
12. *Vishnevsky A.* Demographic Processes in the Post-Soviet States // *Revue Baltique*, 1999. No 13.
13. *Berlins A., Zvidrins P.* Population Development in Latvia // *New Demographic Faces of Europe*. Eds. T. Kucera, O.V. Kucera, O.D. Opara, E. Shaich. Springer: Berlin, New York, 2000.
14. *Stankuniene V., Baublyte M., Kanapiene V., Mikulioniene S.* Fertility and Family Surveys in Countries of the ECE Region. Lithuania // *Economic Studies*. No 10 q. United Nations: New York, Geneva, 2000, 99 p.

15. Demographic Yearbook 2001. Department of Statistics to the government of the Republic of Lithuania: Vilnius, 2002.
16. *Bongaarts J., Watkins S.* Social Interactions and Contemporary Fertility Transition // Population and Development Review. 1996. Vol. 22. No. 4.
17. *Haskey J.* Formation and Dissolution of Union in the Different Countries of Europe // European Population. II. Demographic Dynamics. Paris, 1993.
18. *Liefbroer A.C., Corijn M., Gierveld J.* Similarity and Diversity in the Start of the Family Formation Process in the Low Countries // CBGS-document, 3, 1996. Amsterdam, 1996.
19. Recent demographic developments in Europe 1999. Council of Europe: Strasbourg. 1999.
20. Pranesimas spaudai. Lietuvos gyventojų, gyvenanciu santuokoje, dalis mazeja, o issituokusiu ir nasliu - dideja. Statistikos departamentas prie Lietuvos respublikos vyriausybes. Nr. 2/041. 2003 m. kovo 20 d.
21. *Becker G.S., Barro R.J.* Altruism and the Economic Theory of Fertility // Below Replacement Fertility in Industrial Societies: Causes, Consequences, Policies, eds. K. Davis, M.S. Bernstam, R. Ricardo-Campbell. A supplement to Population and Development Review. 1986. No 12.
22. *Carlson E.* Inverted Easterlin Fertility Cycles and Konai's "Soft" Budget Constraint // Population and Development Review. 1992. Vol. 18. No. 4.
23. *Robinson W.* The Economic Theory of Fertility over Three Decades // Population Studies. 1997. Vol.51.
24. *Mitrikas A.A.* Seimos vertybiu pokyciai // Kulturologija. Vilnius, 2000, t. 6, p. 215-223.